

Записка не датирована и не содержит адресата, однако можно предположить, что расшифровка инициалов была составлена Гончаровым во время интенсивной работы над корректурами второго издания очерков, набираемых в типографии Морского министерства в конце 1861 — январе 1862 года (цензурное разрешение 6 февраля 1862).⁷ Об этом писатель сообщал Панаеву 8 февраля 1862 года: «...все возжусь с корректурами. Вот теперь „Палладу” читаю — что это за наказание».⁸ Заголовок записки «Дополнения по новому изданию» наводит на мысль о том, что Гончаров намеревался либо снабдить второе издание расшифрованным списком инициалов, либо раскрыть их в тексте. Тем не менее этот замысел по неизвестной причине не осуществился, и вплоть до издания 1986 года почти все литеры печатались не раскрытыми.⁹

Как теперь видно, работа Т. И. Орнатской, подготовившей том с «Фрегатом „Паллада”» в серии «Литературные памятники», и комментаторов полного собрания сочинений оказалась исключительно плодотворной: все инициалы, упоминаемые Гончаровым, были расшифрованы верно.¹⁰ Единственное расхождение касается имени переводчика и япониста И. А. Гошкевича, который, вопреки официальному отчету о плавании фрегата, опубликованному в «Морском сборнике»,¹¹ по какой-то причине именуется в списке Гончарова «Голиковым». Вероятно, это ошибка памяти. Странным является и отсутствие в публикуемом списке литеры «С.», которая в современных изданиях раскрывается как «Савич». Трудно сказать, имеем ли мы дело с забывчивостью Гончарова или же с его сознательной установкой.

В целом же публикуемые документы в коей мере не закрывают вопроса, а лишь побуждают к дальнейшим поискам новых материалов Гончарова в фондах архива Военно-морского флота. Как кажется, следующей наиболее вероятной находкой может стать типографское дело о напечатании второго издания «Фрегата „Паллада”».

⁷ Гончаров И. Фрегат Паллада. Очерки путешествия: В 2 т. 2-е изд. СПб.: В типографии Морского министерства, 1862.

⁸ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 455.

⁹ Возможно, Морское министерство наложило запрет на раскрытие фамилий участников экспедиции, подлинная цель которой была засекречена (Там же. С. 398).

¹⁰ См. преамбулу к комм.: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 419—435.

¹¹ Там же. С. 139.

© А. Г. ГРОДЕЦКАЯ

МИЛИТРИСА КИРБИТЬЕВНА В «ОБЛОМОВЕ», ИЛИ ОБ ОРГАНИЧНО ПРОТИВОРЕЧИВОМ В ПОЭТИКЕ ГОНЧАРОВА

«Органично противоречивым» видит художественное целое гончаровского «Обломова» В. И. Тюпа, и конструктивный принцип, организующий сложную целостность романа, он определяет так: «В романе И. А. Гончарова мы имеем дело с конструктивным принципом двойственности, однако двойственности не сатирической. Эстетический объект художественного восприятия в данном случае двойится не на высокую заданность и низкую данность в поле единой ценностной позиции — в нем совмещены взаимоисключающие ценностные интенции.

По этой причине нескончаемый спор о том, „плох” или „хорош” герой романа — этот сонный ленивец с *голубиной душой*, в каких бы категориях и с каких бы позиций он ни велся, не разрешим в принципе, ибо весь роман — мир, как и его герой, не совпадает с самим собой, предстает в двойном ракурсе видения. Такова эстетическая „оптика” данного художественного целого.¹

Исследованию того же явления, но на уровне повествования — явления «двуголосия», посвятил одну из своих давних работ и В. М. Маркович, писавший: «Разноречивые интенции, которыми „населено” двуголосое слово, не разделены и ни с одной из них не отождествляется полностью авторская или читательская позиция. При этом очень значительна роль повествовательной иронии, которая ни одной из различаемых здесь смысловых инстанций не позволяет остаться равной себе, обрести непоколебимую твердость (а тем самым — и право на безусловную читательскую солидарность). (...) Собственно, последней смысловой инстанцией является здесь позиция своеобразного „неприсоединения”, уклонение от всяческой предрешенности и окончательной определенности».²

Речь ниже пойдет об одном из мотивов в «Обломове», главное и при первом прочтении труднообъяснимое качество которого — аксиологическая нечетливость, точнее сказать, мотив этот поддерживает ту ценностную двойственность в видении художественного объекта, о которой пишет Тюпа и которая объединяет позиции, с привычной точки зрения несоединимые, взаимоисключающие. Соглашаясь с тем, что принцип двойственности в романе доминирует, заметим, что «загадочность» отдельных ситуаций и мотивов в «Обломове» создается и сохраняется не только как результат «органичного» совмещения жестко заданных смысловых оппозиций. Характерная для поэтики Гончарова релятивность может возникать и благодаря преднамеренным недосказанностям (обращение к рукописным редакциям романа убеждает в их продуманном характере: так, например, в системе умолчаний или уклончивых намеков даны в романе обстоятельства получения Обломовым аттестата и чина³). Но, как писал почти век назад Б. М. Эйхенбаум, «художественное явление живо до тех пор, пока оно непонятно, пока оно удивляет».⁴ Мысль эту, несомненно, можно распространить и на не перестающий удивлять читателя *живой* роман Гончарова.

Фольклорная «неслыханная красавица» Милитриса Кирбитьевна впервые упомянута в «Сне Обломова» и затем, так же как и целый ряд других мотивов «Сна», этот образ — отраженно, резонантно — повторяется в четвертой части романа, в идиллии на Выборгской стороне, где Обломов обретает сказочный мир детства, погружаясь в реализовавшийся детский сон. В «Сне Обломова» имя Милитрисы включено в цепочку сказочных мотивов: «Там есть и добрая волшебница, являющаяся у нас иногда в виде щуки, которая изберет себе какого-нибудь любимца, тихого, безобидного, другими словами, какого-нибудь лентяя, которого все обижают, да и осыпает его, ни с того ни с сего, разным добром, а он знай кушает себе да наряжается в гото-

¹ Тюпа В. И. «Обломов» И. А. Гончарова // Тюпа В. И. Анализ художественного текста. М., 2006. С. 137, 138.

² Маркович В. М. Схема и дискуссия в романах натуральной школы: (Герцен и Гончаров) // Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века: (30—50-е годы). Л., 1982. С. 90—91.

³ См. об этом: Гродецкая А. Г. Примечания // Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2004. Т. 6. С. 507—511. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

⁴ Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: Исследования. Статьи / Сост., вступ. статья, общ. ред. проф. И. Н. Сухих; Комм. Л. Е. Кочешковой, И. Ю. Матвеевой. СПб., 2009. С. 74.

вое платье, а потом женится на какой-нибудь неслыханной красавице Милитрисе Кирбитьевне. (...) Взрослый Илья Ильич хотя после и узнает, что нет медовых и молочных рек, нет добрых волшебниц, хотя и шутит он с улыбкой над сказаниями няни, но улыбка эта не искренняя, она сопровождается тайным вздохом: сказка у него смешалась с жизнью, и он бессознательно грустит подчас, зачем сказка не жизнь, а жизнь не сказка. Он невольно мечтает о Милитрисе Кирбитьевне; его всё тянет в ту сторону, где только и знают, что гуляют, где нет забот и печалей; у него навсегда остается расположение полежать на печи, походить в готовом, незаработанном платье и поест на счет доброй волшебницы» (4, 116).

В четвертой части романа Милитриса Кирбитьевна является Илье Ильичу в грезах — во время его обычного послеобеденного «лежанья» в доме Пшеницыной, когда он впадает «в неопределенное, загадочное состояние, род галлюцинации»: «На человека иногда нисходят редкие и краткие задумчивые мгновения, когда ему кажется, что он переживает в другой раз когда-то и где-то прожитой момент. (...) Он лениво, машинально, будто в забытьи, глядит в лицо хозяйки, и из глубины его воспоминаний возникает знакомый, где-то виденный им образ. Он добирался, когда и где слышал он это... И видится ему большая темная, освещенная сальной свечкой гостиная в родительском доме, сидящая за круглым столом покойная мать и ее гости: они шьют молча; отец ходит молча. Настоящее и прошлое слились и перемешались. Грезится ему, что он достиг той обетованной земли, где текут реки меду и молока, где едят незаработанный хлеб, ходят в золоте и серебре... Слышит он рассказы снов, примет, звон тарелок и стук ножей, жметса к няне, прислушивается к ее старческому, дребезжащему голосу: „Милитриса Кирбитьевна!“ — говорит она, указывая ему на образ хозяйки» (4, 479—480).⁵

Кто же эта неслыханная красавица, сливающаяся в грезах Ильи Ильича со сказочным образом доброй волшебницы, и едва ли случайно (Гончаров это шутливо акцентирует) — волшебницы-щуки?

Милитриса Кирбитьевна — героиня лубочной повести (сказки) о Бове Королевиче. Авантюрно-рыцарский сюжет повести о Бове, возникший в средневековой Франции, приобрел популярность в литературе многих стран Европы и на Руси известен с середины XVI века: «...на русской почве это произведение (...) постепенно теряло облик первоначального рыцарского романа, превращалось в любовную авантюрную „гисторию“ с элементами богатырства». ⁶ Если в XVIII веке повесть о Бове «входила в круг чтения высших социальных слоев», то к концу века она «„спустилась“ к провинциальному дворянству, мелким чиновникам, разночинцам, купцам и даже крестьянам. Тогда же (...) начали выходить печатные издания повести о Бове, значительно фольклоризованные и русифицированные... Повесть регулярно переиздавалась, (...) ее популярность поддерживалась широкой известностью (за счет фольклорных версий и лубочных картинок) и давностью». ⁷ В XIX веке «Повесть о Бове Королевиче» широко бытовала в России и как сказка, и как лубочный роман.

Во всех известных вариантах повести о Бове (рукописных, лубочных, сказочных) «прекрасная Милитриса» — мужеубийца, классическая «зло-

⁵ Укажем здесь и на композиционный «симметризм»: «грезы» о Милитрисе возникают в 9-й главе первой части романа и в 9-й главе части четвертой, финальной. О «ритме в сюжетном движении, симметричности в расположении „клеточек“ художественной структуры романа» писал в свое время Н. И. Пруцков (см.: *Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста*. М.; Л., 1962. С. 11).

⁶ Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964. С. 48.

⁷ *Рейтблат А. И. Глуп ли «глупый милорд»? // Лубочная книга / Подг. текста, сост., вступ. статья, комм. А. Рейтבלата. М., 1990. С. 9—10.*

дейка». Влюбленная в королевича Дадона, Милитриса по воле своего отца Кирбита выходит замуж за старика Гвидона. Старого мужа она в сговоре с Дадонем убивает, чтобы затем соединиться со своим возлюбленным. Сын Милитрисы от Гвидона — королевич Бова, вынужденный из-за жестоких преследований матери покинуть королевство, мстит ей за убийство отца и прелюбодеяние.⁸ Коллизия повести близка шекспировской, и в исследованиях пушкинovedов, посвященных пушкинским переработкам повести о Бове, отмечена эта очевидная для Пушкина близость бродячего сюжета лубочной повести и шекспировского «Гамлета».⁹ Имена героев повести о Бове всем знакомы по сказке Пушкина (который использовал имена, но не коллизию), знам же сюжет не переставал интересовать его на протяжении двадцати лет творчества, начиная от лицейского отрывка «Бова» (1814) и до «планов» поэм и сказок на ту же тему 1822, 1825 и 1834 годов. Шекспировская ситуация в истории о Бове привлекла внимание и В. К. Кюхельбекера, который использовал образ Милитрисы в фарсе «Нашла коса на камень» (1839), представляющем собой переделку шекспировской пьесы «Укрощение строптивой». У Кюхельбекера хан Кирбит имеет «двух красавиц-дочерей: старшую, строптивую и злую Меликтрису, и младшую, кроткую, послушную Роксану», сюжет фарса выстраивается как «укрощение» Меликтрисы.¹⁰

Повесть о Бове в XIX веке перелагал Радищев, упоминания о ней есть у А. Н. Островского (чтением «Бовы Королевича» начинается «Бедность не порок»), А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. С. Лескова.¹¹ В «Автобиографии» (1858) Гончаров вспоминал, как в детстве, «находя в лакейской в доме у себя сказки о Еруслане Лазаревиче, Бове Королевиче и другие, читал и их».¹²

Фольклорный протосюжет, а с ним и «тень» Милитрисы Кирбитьевны не позволяют однозначно интерпретировать образ «хозяйки» Агафьи Матвеевны, делая его семантически двойственным, двоящимся. Агафья и спасает Обломова («добрая волшебница»), и губит его («зловещая» Милитриса, мужеубийца). «Узнавание» Обломовым в сне-галлюцинации в Агафье Матвеевне Милитрисы, окончательная, проясняющая потаенные смыслы, можно сказать, интериоризация этого образа, т. е. переход от его внешнего восприятия в сферу глубинного, иррационально-интуитивного понимания не случайно происходит в девятой главе четвертой части романа — именно тогда, когда Штольц, посетивший друга, пытается в последний раз выгащить его из «ямы» и осознает, что перед ним «отверзлась бездна», воздыглась «каменная стена». «Не напоминай, не тревожь прошлого: не воротилы!» — произносит Илья Ильич. « — (...) Я прирос к этой яме больным местом: попро-

⁸ Царь Кирбит — также персонаж популярной сказки о Еруслане Лазаревиче, однако в ней его дочь только упомянута, но не названа Милитрисой. Герой сказки о Еруслане упомянут в «Обломове»: Илья Ильич «любит вообразить себя иногда каким-нибудь непобедимым полководцем, перед которым не только Наполеон, но и Еруслан Лазаревич ничего не значит» (4, 66).

⁹ См.: Кошелев В. А. Царь Дадон и принц Датский // Русская литература. 2004. № 2. С. 138—145. Ср.: Кошелев В. А. 1) Пушкин и Бова Королевич // Там же. 1993. № 4. С. 17—34; 2) Пушкин: История и предание. СПб., 2000. С. 108—159. Также см.: Цявловский М. А. «Бова (Отрывок из поэмы)» // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 90—104; Фомичев С. А. Пушкин и древнерусская литература // Русская литература. 1987. № 1. С. 24—25.

¹⁰ См.: Левин Ю. Д. Шекспир и русская литература XIX века. Л., 1988. С. 68.

¹¹ В «Соборях» (1872), например, барыня Плодомасова отзывается о женской прислуге: «Все эти Милитрисы Кирбитьевны вхожат, да в гостиницах по коридорам расхаживают, да знакомятся...» (Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1957. Т. 4. С. 140). Упоминает Милитрису и А. А. Фет в письме к С. В. Энгельгард от 14 октября 1862 года, хотя ему важен не образ как таковой, но сам род «лакейской литературы». «Кувыркания» в современной ему прозе, «скакания» с выкрутасами не в такте» уподоблены Фетом Милитрисе Кирбитьевне (см.: Фет А. А. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 376).

¹² Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 7. С. 217.

буй оторвать — будет смерть» (4, 482). Если же проигнорировать заданный протосюжетом внутренний драматизм в паре Милитриса—Агафья, то вместе с признанием во вдове Пшеницыной «неслыханной красавицы» на поверхности останется оттенок плоской иронии, во-первых, и тривиальная мысль о насмешке судьбы, о несовпадении реальности и сказочной мечты, во-вторых. При этом в целом в сюжетной ситуации, безусловно, преобладает настроение примирения, смирения. Понятно, что представление о злодеянии, преступлении, грехе, пороке вообще находится вне художественно-понятийного кругозора автора «Обломова», вне его романной органики, гармонизирующей крайности, вне «уютного», по определению Д. С. Мережковского, человеческого мира Гончарова. «Цельность и крепость души его, — писал Мережковский, — не надломлены современным недугом. Гончаров рассудком понимает пессимизм. Но в сердце, в кровь и плоть его не проникла ни одна капля яда. Романтическая грусть Ольги в третьей части „Обломова“ так же далека от скорби, разрушающей все радости жизни, как тень летнего облачка далека от байроновской Тьмы, поглотившей мир».¹³

Усомнившись в возможности негативных ассоциаций для «праведной» Агафьи Матвеевны, В. И. Мельник, исследовавший сюжет о Милитрисе, предположил, что Гончаров мог опираться на какой-то услышанный в детстве от няни «поволжский вариант сказки о Бове», в котором ее героиня могла быть представлена в ином, не столь однозначно зловещем свете.¹⁴ Последнее, однако, даже в качестве гипотезы маловероятно: В. Д. Кузьминой были учтены и исследованы все инварианты данного сюжета — вплоть до бытовавших в XX веке.¹⁵ В широко бытующих фольклорных сюжетах варьируются подробности, но неизменными остаются функции центральных персонажей. Немаловажно также, что в ряде относящихся к XIX веку лубочных переработок сказки о Бове встречается персонаж по имени Мухояр, противник Бовы.¹⁶ К нему, вне сомнения, восходит фамилия «братца» Агафьи Матвеевны — Ивана Матвеевича Мухоярова.

Своих разысканий Мельник не оставил и в одной из недавно опубликованных на сайте «Русская линия» статей указал еще один возможный источник образа Милитрисы, который, однако, по его словам, также «не совсем подходит для сопоставления». Это вариант сказки о Кашее Бессмертном из сборника Афанасьева (т. 1, № 158), где упоминается Василиса Кирбитьева: «Когда царевич был мал, то мамки и няньки его прибакивали: „Баю-баю, Иван-царевич! Вырастешь большой, найдешь себе невесту: за тридевять земель, в тридесятом царстве сидит в башне Василиса Кирбитьева — из косточки в косточку мозжечок переливается...”».¹⁷

Тот факт, что Милитриса в повести о Бове не возлюбленная, не жена, а мать главного героя, привел английских исследователей «Обломова» А. и С. Лингстад, также обративших внимание на фольклорный прототип, к выводу о наличии в романе квазиинцестуального мотива.¹⁸ Однако слияние образов Агафьи Матвеевны и матери Обломова определяется прежде всего укорененным в национальной культуре представлением о женской любви, которую фольклорная и литературная традиция изображают как «сострада-

¹³ Мережковский Д. С. Гончаров // Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике: Сб. статей. Л., 1991. С. 174.

¹⁴ Мельник В. И. И. А. Гончаров и русская литература: (фольклор, литература Средневековья, литература XVIII века). Ульяновск, 1999. С. 21—22.

¹⁵ См.: Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. С. 17—132.

¹⁶ См.: Там же. С. 90.

¹⁷ Мельник В. И. И. А. Гончаров: русский герой и русская сказка // URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=113571>

¹⁸ Lyngstad A., Lyngstad S. Ivan Goncharov. New York, 1971. P. 89.

тельную любовь, материнскую или по тембру близкую к материнской», как «источник материнской жалости»?¹⁹ Неспособность Ильи Ильича к взрослению, его вечно дрящящаяся, нуждающаяся в материнской опеке детскость очевиднее любых психоаналитических подтекстов.

Нет необходимости лишней раз говорить о значении мифопоэтических мотивов в романе, и в «Сне Обломова» в особенности. Однако фольклоризм Гончарова, как отмечают исследователи его творчества,²⁰ не достаточно изучен. Мифологические и фольклорные сюжеты и мотивы в его прозе многообразны и разноприродны: здесь и античная, и библейская мифология, и русский фольклор, и средневековая книжность. Сложность состоит как в характере взаимодействия, взаимопереплетения этих мотивов, так и в неоднозначности и часто неканоничности их художественной семантики и функций. Как правило, они теряют присущую им аксиологическую устойчивость, даются в разной тональности — лирической, патетической, иронической, пародической. Все это создает характерные для гончаровских текстов ситуации двоящихся смыслов.

Органика противоречий у Гончарова и, можно сказать даже, гармония оппозиций (как гармония сфер) делают спор о том, «спасает» или «губит» Илью Ильича вдова Пшеницына, как и спор о том, «плох» или «хорош» центральный персонаж романа, не разрешимым в принципе.

¹⁹ *Аверинцев С. С.* Крещение Руси и путь русской культуры // Контекст. 1990: Лит.-теоретич. исследования. М., 1990. С. 71.

²⁰ «Вообще, тема „Гончаров и русский фольклор“ еще ждет своего исследователя», — писала в статье «О проблемах научного издания Гончарова» Л. С. Гейро (Русская литература. 1982. № 3. С. 132), и нельзя сказать, что эта тема своего исследователя нашла. Помимо указанных работ Мельника, см.: *Мельник В. И., Мельник Т. В. И. А. Гончаров в контексте европейской литературы.* Ульяновск, 1995. С. 32—39, 43—48; *Ляпушкина Е. И.* Миф в художественной структуре «Сна Обломова» // *Имя—сюжет—миф: Межвуз. сб. СПб., 1996. С. 100—114; Строганов М. В.* «Обломов» как энциклопедия народной культуры // *Обломов: константы и переменные: Сб. науч. статей. СПб., 2011. С. 39—56.*

© К. Ю. ЗУБКОВ

ЛАКУНЫ УЧЕБНИКА: РОМАН «ОБЛОМОВ» В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

История школьного изучения классического произведения литературы представляет значительный интерес для понимания характера и механизмов рецепции текста читателями. Принятая в школе трактовка произведения литературы обычно отражает распространенные (и распространяемые посредством школьного преподавания) представления о том, как нужно его понимать. Школьное «литературоведение» отличается особой спецификой, роль которой еще далеко не осмыслена. Основные исследования в этой области посвящены взаимодействию школы с государственной идеологией, хотя это взаимодействие не исчерпывает проблем, возникающих в связи с изучением литературы в школе, особенно если рассматривать достаточно продолжительный промежуток времени.¹ Наконец, значительный интерес

¹ Значимым примером работы, содержание которой не исчерпывается воздействием на школу государства, является для нас статья: *Костин А. А.* А. Н. Радищев в советской школе // *Учебный текст в советской школе: Сб. статей. СПб.; М., 2008. С. 10—25.*